

Русское национальное сознание и внешняя политика России

Александр Задохин

*Вставай страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет...*

А.С.Хомяков «России»

Для рассмотрения поставленной проблемы взята внешняя политика России на Балканах.

Исторически отношения с православными славянскими народами и государствами Балкан являются органической частью русского национального сознания.

Балканы – это единственный регион, где внешняя политика России в прошлом и настоящем не только учитывала этнорелигиозный фактор, но и делала и делает на него ставку. В данном случае речь идет о формировании национального сознания. Согласно русской славянофильской мифологеме, в центре славяно-православного мира находится Россия, которой предназначено свыше покровительствовать и защищать славян и православных от враждебных им исламского и западного мира.

Таким образом, политика Запада или исламских стран на Балканах неизбежно, на подсознательном уровне, воспринимается в контексте национальных ценностных начал.

ЗАДОХИН Александр Григорьевич – доктор политических наук, профессор (Дипломатическая академия МИД России). E-mail: aleksander_1945@mail.ru

Ключевые слова: Балканы, Россия, национальное сознание, внешняя политика, идеология.

Панславистская идея

Панславистская идея была популярна среди представителей высших кругов общества вне зависимости, являлись ли они последовательными славянофилами или нет. Свидетель возникновения панславистской доктрины А.И.Герцен считал, что славянофильские и панславистские идеи во внешней политике России происходят больше под влиянием извне. Он отмечал, что в этот период еще более возросло значение «национального принципа» в европейских международных отношениях в связи с наполеоновскими войнами. Это коснулось и народов славянской группы, входивших в состав Османской и Австро-Венгерской империй¹. А.И.Герцен писал: «Чешский панславизм подзадорил славянофильские сочувствия в России»¹. Причем настолько, что поэт-дипломат Ф.И.Тютчев самостоятельно развернул, как бы сейчас сказали, «информационную войну». В Европе он опубликовал анонимно целую серию статей, которые были восприняты настолько серьезно, что вызвали целый ряд ответных статей и книг в Англии и Франции. В Австро-Венгрии, где были известны дружеские отношения Тютчева с главным российским дипломатом – Горчаковым, в этом увидели прямую угрозу войны с Россией. В самой же России одни зачитывались патриотическими стихами поэта, другие называли их чепухой (например, Лев Толстой), а третьи (официальные дипломаты) высказывали недовольство, мол, мешает профессионалам исполнять свою работу.

Устоять перед привлекательностью славянской идеи было практи-

чески невозможно². Даже западник А.И.Герцен из своего лондонского далека отмечает это явление в общественной жизни России² и высказывает симпатии к панславистской доктрине. Герцен как последовательный оппонент славянофилов, характеризуя восточное направление внешней политики России, писал: «Мы побоялись поддержать и Славян, и единоверных Греков из уважения к мнимой законности...»³.

Такое единомыслие представителя западников со славянофилом М.Н.Погодиным можно объяснить тем, что, когда «речь заходит о национальном, в сознании возникают какие-то глубокие архетипические представления. В этом смысле... славянофилы и западники не альтернативы, они по существу дополняют друг друга»⁴.

Славянофилы и западники как две интеллектуальные элитные группы, представляющие разные ориентации в национальном сознании России, отдавали себе отчет, что их дискуссии не носят некий абстрактный характер и их диалог в конечном итоге ведет к определению «догматов для нравственного и для верований общества» и к «созданию политической программы для будущего развития государства»².

Насколько серьезно национально-славянская идея влияла на внешнюю политику, говорит П.Я.Чаадаев в «Письме неизвестного к неизвестной», написанном сразу после начала Крымской войны. Он подчеркивал, что причиной войны была «национальная реакция», которая дошла в стране до мономании и по-

влияла на внешнюю политику правительства⁵.

Надо сказать, что в 90-х годах XX в., когда шла война НАТО на Балканах, происходило нечто подобное. Одни – политики, ученые и публицисты – с упоением цитируют славянофила Тютчева. Другие пишут следующее: «...Тютчев предстает в своих историософских писаниях как причудливое сочетание старца Филофея и славянско-византийского де Местра. Его сверхценное блудомыслие или мыслеблудие... заразит... многих»⁶.

В XIX в. «...славянский вопрос сделался одним из модных увлечений, которые всегда, сменяя друг одно другое, служат обществу предметом занятия; ...много было людей с корыстными, тщеславными целями, занимавшихся этим делом. ...Газеты печатали много ненужного и преувеличенного с одною целью – обратить на себя внимание и перекричать других. ...При общем подъеме общества выскочили вперед и кричали громче других все неудавшиеся и обиженные: главнокомандующие без армий, министры без министерств, журналисты без журналов, начальники партий без партизанов (т.е. членов какой-то партии. – Авт.)... Много тут было легкомысленного и смешного», но был «несомненный, все разрастающийся энтузиазм, соединивший в одно все классы общества, которому нельзя было не сочувствовать»⁷. Это не цитата из газет периода военной операции НАТО против Югославии, а размышления одного из героев романа Льва Толстого «Анна Каренина» на перроне Курского вокзала, от которого отправлялся эшелон с добро-

вольцами на Балканы, где шла сербско-турецкая война.

В чем-то мы и сегодня можем согласиться с мыслями философствующего обывателя XIX в. или самого Толстого. В этом же романе высказывается иная точка зрения, но ее бояться озвучить, ибо, как выразился другой герой романа, «опасно высказывать мнение, противное обществу, и в особенности осуждать добровольцев»⁷. Скорее всего, учитывая известные пацифистские взгляды Толстого, на противное мнение как раз и претендовал русский классик.

Присутствие в России представителей славянских народов из Османской и Австро-Венгерской империй стало просто обыденным явлением.

Так, в центре любовной интриги романа Тургенева «Накануне» стоит фигура именно болгарина, и ответ на вопрос, почему он помещен рядом с главной героиней, дает современник Тургенева, известный русский критик Н.А. Добролюбов в своих литературоведческих статьях.

Он пишет, что в Елене «сказалась та смутная тоска по чьему-то, та почти бессознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новых людей, которая охватывает теперь русское общество, ...лучшие стремления нашей современной жизни»⁸. По мнению Добролюбова, «сочувствие Елены... не могло обратиться на русского человека с тем правом, с той естественностью, как обратилось оно на этого болгарина. Все обаяние Инсарова заключается в величии и святости той идеи, которой проникнуто все его существо», которая соединяет его и подобных ему героев со своей нацией⁸. Напротив, у «русских

героев», как считает критик, «общего дела в помине нет»⁸. Популярностью пользуются военные подвиги по освобождению других народов, ибо это значительно проще: «Враг внешний, притеснитель привилегированный гораздо легче может быть застигнут и побежден, нежели враг внутренний, рассеянный повсюду, в тысяче разных видов, неуловимый, неуязвимый, а между тем тревожащий вас всюду...»⁸.

Действительно, консолидация русского общества на протяжении практически всей национальной истории происходит как результат мобилизации на борьбу с внешним врагом. Компенсацией же внутренних невзгод выступала идея славянского братства. В годы восстаний и войн на Балканах, по свидетельству Добролюбова, чувство сострадания охватывало все общество. Причем самые различные слои.

И все же почему «все русские люди так полюбили братьев славян» и не интересуются только Россией? Не дискутируя с классиком по вопросам войны и мира или геополитики, ответ можно найти все в том же романе: «В народе живы предания о православных людях, страдающих под игом “нечестивых агарян”, “сознание своих судеб всегда есть в народе, и в такие минуты, как нынешние, оно выясняется ему”»⁸.

Очевидно, что официальной власти в Петербурге трудно было не считаться с общественным мнением и популярностью панславизма. Начало Крымской войны середины XIX в. связывают со спором о «палестинских святынях». Можно называть последнее предлогом для объявления войны⁹, а истинные причины ее ви-

деть в более реальном политическом противоречии держав, но факт наличия значимости традиционных ценностей, основанных на них идеологий, с реальным внешнеполитическим решением очевидна. Для русского национального сознания Палестина и Константинополь являлись ориентирами знакового порядка¹⁰. В этой связи необходимо обратить внимание, что сама война все-таки началась именно в 1854 г., в годовщину падения Константинополя. Как и призывал ранее Ф.И.Тютчев в своем известном стихотворении «Пророчество». Война же началась, была проиграна. Пророчество не сбылось.

Особый интерес для более четкого представления о дальнейшем развитии мировоззрения славянофилов и их восприятия внешнего мира в духе панславистской доктрины имеет творчество Н.Я.Данилевского, которого называют предшественником Шпенглера и Тойнби. А его фатализм в отношении антагонизма культурно-исторических типов на 100 с лишним лет предвосхитил привлекающую такое внимание в начале 90-х годов концепцию «столкновения цивилизаций» С.Хантингтона.

Исследователи, как отечественные, так и зарубежные, хотя и отличающиеся друг от друга категоричностью оценок, сходятся в том, что для панславизма Н. Я. Данилевского характерна большая резкость, чем у его ранних предшественников. Зарубежные исследователи творчества Н.Я.Данилевского видят в нем идеолога славянского национализма и тоталитарной философии¹¹. По мнению русского ученого О.Ф.Миллера, современника Н.Я.Данилевского, он

как бы отбрасывал христианское начало славянофильства и значимость мессианства в панславизме¹². Полемизируя с идеями Н.Я.Данилевского, В.С.Соловьев подчеркивал, что необходимо ввести «христианский принцип» во внешнюю политику России¹³. Он выступал против «слепого национализма» во внешней политике России, считая это главным препятствием для разрешения восточного вопроса¹⁴.

Современный исследователь Ю.С.Пивоваров отмечает, что мировидение Н.Я.Данилевского «есть симптом и свидетельство того кризиса и разлома, которые переживала в этот период русская культура» в том плане, что славянофильство начинает отрываться, изолироваться от миро-

вого культурного пространства, замыкаться исключительно на свою русскую оригинальность, происходит «нарастание утопическо-мифологических элементов»¹¹. И такая точка зрения может иметь место, хотя с ее категоричностью трудно согласиться.

В то же время следует отметить, что романтизация родовых корней характерна для начального этапа развития любого этнического национализма. Радикализм же отдельных высказываний и утверждений Н.Я.Данилевского вытекал из того кризиса, который переживала имперская система России, а российское общество – комплекс неполноценности в связи с поражением в Крымской войне.

Россия на Балканах

Подвижки в международных отношениях являются мощным стимулом к самопознанию. Так, российское сознание делает качественный шаг вперед после периода наполеоновских войн, заграничных походов и Крымской войны. Политический дискурс наполняется новыми понятиями, что свидетельствует об осознании иных приоритетов. Например, российская дипломатия в программные документы включало такое понятие, как «национальный интерес»¹⁵, что свидетельствовало о стремлении рационализировать внешнюю политику страны, сделать ее, по выражению А.М.Горчакова, разумно «эгоистичной» и сосредоточенной на обеспечении благоприятных условий для внутреннего развития¹⁶.

Но массовое сознание консервативно, и дипломатам не удалось удер-

жать Россию от новой «восточной войны» (Русско-турецкой 1877–1878 гг.) теперь уже на Балканах. Война началась с целью реализации предназначенной России миссии: освобождения южных славян. «Под влиянием славянофильской агитации, под влиянием общественного мнения» официальная власть, – писал историк А.Корнилов, – все-таки решилась воевать»¹⁷. Так, в центре внимания общества опять оказались не внутренние, а внешние проблемы. Приоритет последних определялся ценностной ориентацией общества, а уровень рефлексии был недостаточно высок, чтобы оптимально сбалансировать чувства и ценности, интересы и ресурсы.

Наиболее активно выражала мнение различных кругов российская печать.

Малоизвестная сегодня «Газета А.Гатцука» писала: «Взоры не только всей России, но и целого мира обращены в настоящее время на Русского императора, волею которого двинулся русский народ на Балканы для разрушения многолетней борьбы Креста и Полумесяца. Никогда не было большей общности между народом и его царем, как в минуты этой борьбы, знамя которой поднято во имя самых священнейших принципов человечества»¹⁸.

Но еще больший резонанс вызывали публикации ведущих газет, таких как «Московские ведомости», «Русский мир», «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время» и др., которые также активно поднимали тему российского славянофильского мессианства.

«Русский мир» критиковал слабую активность правительства, упрекая его в том, что оно идет на поводу у «главной противницы славянства Австро-Венгрии»¹⁹.

Газета левой ориентации «Вперед» призвала направить на Балканы добровольцев для оказания военной помощи²⁰, что лишний раз демонстрировало стремление личности реализовать себя во внешнем пространстве в силу невозможности сделать это в самой России.

Анализ российской прессы самой различной направленности (от широко известных, таких как «Русский мир», «Новое время», и до малоизвестной «Газеты А.Гатцука») свидетельствует, что общество опять стремилось воспроизвести в действительности свой национальный миф – создать во что бы то ни стало славянскую державу.

П.Н.Милюков по этому поводу отметил: «Одни и те же внешние политические "уроки" заставили одних быстро шагнуть вперед, а другими были недостаточно поняты»²¹.

Важно обратить внимание, как характеризовали ценностную ориентацию внешней политики России ее

западные партнеры. В свое время известный политический деятель Европы и Франции А.Тьер советовал российским политикам более трезво относиться к «славянскому вопросу» и не идти на поводу амбиций молодых балканских националистов, интересы которых не всегда могут совпадать с интересами России, но будут возбуждать общественное мнение¹⁸. Впоследствии справедливость предупреждения неоднократно находила свое подтверждение.

Итак, в XIX в. национальная система ценностей обретает новую ценность – «братство и единение» всех славянских народов под эгидой России. Кроме того, это было развитием идеи «византийского наследства». Это выражается в создании и обосновании концепции единения «всех славян» перед лицом экспансии романо-германского мира.

В концепции панславизма центральное место занимает противостояние: Россия – Европа. Объективно данная оппозиция «Мы – Не Мы» объективно стимулировала осознание национальной самобытности, понимания своего национального Я, создавала тот потенциал национальной интеграции, который в конечном итоге и являлся необходимым и закономерным условием развития. Следует отметить, что хотя идеи славянофилов способствовали развитию национального сознания, пониманию собственной культуры и ее самодостаточности, сама же панславистская доктрина как часть этих идей вступала в противоречие с реальной жизнью. Так, освобождение славянских народов Балкан с участием России не привело к ожидаемому результату – объединению всех

славян. Напротив, проявились противоречия между ними, в том числе и в их отношениях с Россией. Кроме того, обозначилась и прозападная геополитическая ориентация части славяно-балканских элит.

Несмотря на отмеченное, национальная память в начале XX в. вновь воспроизводит идеи славянофилов скорее как ценностного начала, а не реального геополитического проекта. Они возрождаются в неославизме. Опять говорили о возобновлении славянских съездов и о новых попытках создания союза славянских государств и народов. В российском обществе шло активное обсуждение ценностных основ внешней политики.

Авторы ряда статей в газетах «Речь», «Новое время», «Голос Москвы» и др. настаивали на том, чтобы Россия в своей внешней политике руководствовалась прежде всего тем, что она «славянская страна». При этом отмечалось, что интересы славянства должны стать приоритетом в российской дипломатии. Во имя этого предлагалось даже не затрагивать в различных переговорах важную для России в стратегическом плане проблему проливов Босфора и Дарданелл²².

«Для России, – отмечалось в редакционной статье «Голоса Москвы», – как славянской державы единственно правильный путь политики – это создание такого положения, при котором все славянские народы чувствовали бы, что в тяжкую минуту они встретят у нее поддержку...»²³. То есть речь шла о славянской солидарности как ценности. Но реальность развития Балкан была иной.

Развитие международной ситуации на Балканах продолжало расходиться со сложившимися представ-

лениями российского общества. Балканские войны и четко обозначившаяся прозападная ориентация балкано-славянских государств вызывают сомнения по поводу правильности панславистской доктрины внешней политики России. В частности, философ К.Н.Леонтьев обращал внимание на существование серьезных противоречий между славянскими народами и был против близкого сближения с ними²⁴. Более того, он считал вполне возможным союз России с Турцией и даже с мусульманством вообще!

Взгляды К.Н.Леонтьева не были исключением. Так, цитируемый общественный деятель России и впоследствии министр иностранных дел Временного правительства П.Н.Миллюков также высказывал свое сомнение в отношении возможности объединения славян. В частности, он обращал внимание на определенное несовпадение славянофильской трактовки «национальной идеи и реальной действительности»²¹. Он отмечал, что все «более обнаруживалась многолетняя борьба между христианскими национальностями»²⁴.

Действительно, отношения между славянскими народами с момента их прихода на Балканы, а также с автохонным населением – греками, албанцами и румынами всегда носили сложный и конфликтный характер. Об этом нельзя было не знать. Но российское общество не замечало этот исторический факт и полностью растворялось в мифе панславизма. Чем сильнее нарастали внутренние противоречия в России и в ее отношениях с окружающим миром, тем упорнее общество обращалось к национальному мифу, находя в нем сво-

еобразную нишу от сложной действительности. «Неосведомленность и сомнение темного национализма, – пишет П.Н.Милюков в своих воспоминаниях, – распространялись на всю правящую верхушку»²¹.

Для самого П.Н.Милюкова было очевидно, что роль России в славянском вопросе изменяется. Балканские народы в ходе балканских войн (1912–1913 гг.) «освободились сами, без помощи России и даже вопреки ее политике» и постепенно отходят от традиционной «русской опеки». П.Н.Милюков подчеркивал, что теперь каждое «славянское государство» идет своим путем и охраняет свои интересы, как находит нужным. Россия также по отношению к славянам должна руководиться собственными интересами. «Воевать из-за славян Россия не должна»²⁴.

Такие «эгоистические» взгляды имели распространение в обществе, что отражало осознание национальных интересов в их соотношении с реальными внутренними и внешними проблемами России.

В журнале «Гражданин» в ответ на целую серию просербских статей в московской и петербургской прессе раздавался призыв более сдержанно относиться к «балканским делам», а идея балканского союза оценивалась как «иллюзия», и давался совет правительству больше внимания уделять «задачам самовозрождения страны»²⁵. Прослеживается нарастание разочарования как в идеях панславизма, так и миссии России на Балканах.

Газета «Русская земля» писала: «Народности, населяющие Балканы, не оправдали забот и жертв, понесенных за них Россией. ...России теперь впору заниматься только собой»²⁶.

Развитие рыночных отношений в России побуждало ряд российских кругов к прагматическому подходу к «славянскому вопросу». Так, «Новое время», отдавая обычную для нее дань критике внешней политики правительства, пишет: «Корень зла нашей ближневосточной политики заключался всегда в том, что мы, освобождая единоверные и единоплеменные народы Балканского полуострова, ...не принимали никаких мер в экономической области и отдавали тем самым освобожденных в зависимость к германскому капиталу»²⁷. В итоге газета призывала «русских фабрикантов» осваивать новые рынки на Балканах²⁷.

В «Новом времени» настойчиво проводили мысль о необходимости изменить сущностные подходы к формированию внешнеполитического курса, откорректировать устоявшиеся стереотипы восприятия международных отношений России.

Так, газета одобряет создание Славянской торговой палаты для поддержки торговли на Балканах и подчеркивает, что «необходимо исправить ошибки внешней политики 70-х – 80-х годов, когда все внимание было уделено «военным комбинациям» и утверждает: «Нынешняя славянская политика России должна быть основана... на началах экономики...»²⁷.

Четко выражал свою позицию русский ученый П.Струве, известный своими экономическими работами. Он, признавая особую значимость для российской внешней политики исторической ориентации на Ближний Восток и Балканы, говорил о необходимости активизации экономической деятельности в этих реги-

онах. Это, по его мнению, соответствует не только интересам развития страны, но и обеспечит наиболее эффективно культурное лидерство здесь. А значит, – будет продолжать и развивать национальную традицию²⁸.

Православно-славянофильская ценностная ориентация проявлялась и во внешней политике СССР. Идея панславизма была востребована в период Второй мировой войны. Затем разрабатывался проект балканской федерации для объединения славян. В советско-болгарских отношениях со стороны Москвы особое значение уделялось культивированию идей близости и родства двух стран. Хотя дочь коммунистического лидера Болгарии Людмила Живкова утверждала, что славянский этнолингвистический элемент является лишь одним в ряду других – фракийского и тюркского – болгарской нации.

В постсоветский период в России вновь возросла популярность панславистской традиции. В центре ее опять стоит идея миссии поддержки «братского сербского народа» перед лицом экспансии западных стран. Панславистская традиция и мессианство нашло свое проявление в создании СНГ, когда был первоначально заключен союз трех «славянских» республик и впоследствии в создании союза России и Белоруссии.

Войны между славянскими государствами, их экономическое и политическое тяготение к Европе, союзы со стратегическими соперниками России (например, Болгарии с Германией в двух мировых войнах) и периодическое обострение или охлаждение отношений то с одной, то

с другой балканской страной, наконец, достаточно сложные отношения с Украиной – все должно было хотя бы несколько изменить характер российской политики, сделать ее более прагматичной. Но менялись только конкретные государства, их названия и режимы, на которые делалась внешнеполитическая ставка России, а постоянным являлось извечное стремление россиян реализовать себя в своем национальном мифе.

В постбиполярный период становится все более очевидным, что балканские страны видят себя частью единой Европы, а в ней гаранта своей независимости и будущего процветания. Но в России это воспринимается как нечто противоестественное. А расширяющееся сотрудничество балканских государств с НАТО и ЕС рассматривается как непосредственная угроза безопасности России и прямой геополитический вызов.

Как представляется, само сотрудничество балканских государств с НАТО является лишь частным проявлением исторически предопределенного и естественного процесса их движения, возвращения в Европу и интеграции в европейское геополитическое и культурное пространство. При этом Североатлантический союз и ЕС как институт управления интеграционными процессами в Европе показали себя более продвинутыми и конкурентоспособными, чем другие государства и федерации, международные организации и союзы в прошлом.

Балканские народы видят, что под эгидой НАТО европейские страны смогли не только создать коллектив-

ную систему безопасности от внешних угроз, но и разрешить (или смягчить) целый ряд исторических противоречий и антагонизмов.

Евросоюз, при всех своих нерешенных проблемах, все же представляется европейским народам как оптимальная форма сотрудничества и сосуществования. Склонны они принять и европейские демократические и гражданские ценности, что является одним из условий их интеграции западноевропейскими народами.

Надо признать, что Россия потеряла своих прежних союзников в силу все более расходящихся ценностей. Значительная часть населения, особенно молодое поколение балканских стран, не имеет ничего против европейской перспективы. Для тех, кто ориентируется на Европу, США есть олицетворение свободы и демократии или, по крайней мере, житейского благосостояния. Последнее играет, может быть, определяющую роль.

Безусловно, что внешняя политика Российской империи/СССР/Российской Федерации определялась и определяется ее геополитическим статусом и динамикой мировых международных отношений. Но в этой политике постоянно присутствует русское ценностное начало, вытекающее из культурно-психологических особенностей формирования российского национального сознания. Пространство последнего не совпадает с границами государства, а имеет свои рубежи и ориентиры, выраженные соответствующими символами и зафиксированные на подсознательном уровне в национальных архетипах. Россия во имя сохранения и поддержания этого пространства и возможности так или иначе в нем присутствовать, а значит, быть собой, идет на соответствующие затраты и потери.

Глубинные этнонациональные ценности и неизбежно появляющиеся новые, которые формируются под воздействием изменяющейся реальности, находятся между собой в постоянном противоречии. Если это не подвергается саморефлексии, то отмеченное создает неосознанную напряженность и неустроенность внутреннего мира нации. Разлад сложившихся образов, стереотипов и традиционных ценностей с действительностью снимается или подавлением (ограничением) своего этнического Я, или обращением внутрь Себя. Последнее создает предпосылки к формированию комплексов неполноценности, которые препятствуют развитию, адекватному реальности. Следовательно, перед российским обществом, еще не пережившим кризис самоидентификации, существует сложная проблема интеграции традиционных и новых ценностей. Причем таким образом, чтобы это и стимулировало развитие, и не разрушало национальную самобытность.

Примечания

¹ Герцен А.И. Собр. соч.: в 8 т. М., 1975. Т. 5. С. 214.

² Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 261, 215.

³ Герцен А.И., Огарев Н.П. Голоса из России. Факсимильное изд. в 3 вып. М.: Наука, 1974. Вып. 1. Кн. I–III. С. 73.

- ⁴ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 43–44.
- ⁵ Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. В 2 томах. М., 1991. С. 272.
- ⁶ Николаев А.А. Принц и сыщик. Большая политика, средняя поэзия и мелкая любовь пореформенной России // Ex Libris. НГ. 2001. 31 мая.
- ⁷ Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Правда, 1973. Т. 2. С. 75, 381.
- ⁸ Добролюбов Н.А. Собр. соч. В 3-х томах. М., 1952. Т. 3. С. 50, 52, 59, 68, 412.
- ⁹ История дипломатии. В 3-х томах. М., 1959. Т. 1. С. 642–645.
- ¹⁰ Задохин А.Г. Образ Константинополя в национальном сознании и внешней политике России // Обозреватель–Observer. 2008. № 12.
- ¹¹ Пивоваров Ю.С. Николай Данилевский в русской культуре и мировой науке // Мир России. 1992. № 1. С. 183–184, 189, 205.
- ¹² Миллер О.Ф. Славянство и Европа. СПб., 1877. С. 276, 277.
- ¹³ Соловьев В.С. Соч. В 2 томах. М., 1989. Т. 2. С. 268–269.
- ¹⁴ Соловьев В.С. Русская идея: сб. статей. М.: Республика, 1992. С. 185–204.
- ¹⁵ Задохин А.Г. Дипломат Горчаков и его время // Дипломатический ежегодник. 1996.
- ¹⁶ Семанов С.А. А.М.Горчаков – русский дипломат 19 в. М., 1962. С. 53; Очерк истории министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб., 1902. С. 134.
- ¹⁷ Корнилов А. Курс истории России 19 в. Ч. III. М., 1914. С. 207.
- ¹⁸ Газета А.Гатцука. 1877. 15 дек. Прибавление к № 15; 14 сент. № 39.
- ¹⁹ Русский мир. 1875. 15 июля; 30 сент.
- ²⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1988. Т. 1. С. 131.
- ²¹ Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 382, 360, 367–368, 365.
- ²² Речь. 1908. № 1. 1 и 3 окт.; Голос Москвы. 1908. 1 окт.
- ²³ Голос Москвы. 1908. 22 и 24 окт.
- ²⁴ Леонтьев К.Н. Панславизм и греки. Собр. соч. М., 1912. Т. 5. С. 14–17.
- ²⁵ Гражданин. 1908. № 81–82. С. 5–7.
- ²⁶ Русская земля. 1908. 10 окт.
- ²⁷ Новое время. 1908. 20 окт.; 9 окт.; 3 авг.
- ²⁸ Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 143.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в [Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий](#), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.